

На экране компьютера белела страница Google с набранными в поисковой строке словами «букинистический магазин Шотландия», осталось лишь нажать Enter. Я закрыла глаза. Я видела все настолько четко, словно уже была там. Будет холодный, промозглый день, я буду сидеть, закинув ноги на длинный деревянный прилавок. В книжном магазине, за несколько вселенных от Лос-Анджелеса, в маленьком шотландском городке у самого моря я буду наслаждаться будничным уединением... В магазинчике будет тихо и пусто, а я буду взглядом мечтательно скользить по пейзажу за окном, рассматривая зеленые холмы и море вдаль.

«Это сумасшествие».

Джессика Фокс

Jessica Fox

**THREE THINGS
YOU NEED
TO KNOW ABOUT
ROCKETS**

*A Real-Life Scottish
Fairy Tale*

*Посвящается Шону,
а также моим родителям и родным, живущим
по обе стороны Атлантики, без которых этого
приключения никогда бы не произошло*

Странствие героя Джозефа Кэмпбелла

1. Призыв к приключениям.
2. Отказ откликнуться на призыв.
3. Покровительство сверхъестественных сил.
4. Испытания.
5. Апофеоз.
6. Награда.
7. Отказ от возвращения.
8. Пересечение последнего порога.
9. Свобода жить.

Пролог

Есть три вещи, которые нужно знать о запуске ракеты. Первое: если сесть слишком близко, вас убьет звуковой волной. Оказавшись в толпе зрителей, с трудом разместившихся в два ряда на металлической трибуне, мы сидели под жарким флоридским солнцем в нескольких милях от пускового комплекса, с нетерпением ожидая предстоящего зрелища. И вдруг что-то произошло — где-то вдалеке, по ту сторону раскинувшегося перед нами водоема.

Второе, о чем следует помнить: во время запуска ракеты возникают звуковые волны, способные убить человека, однако, как это ни странно, первое впечатление, возникающее у зрителя в этот момент, — это абсолютная тишина. Тишина, в которой я и мои соседи по трибуне в изумлении наблюдали за тем, как из сопла вырвались сперва серебристые клубы, затем белые и наконец — пламя. Тишина, в которой жена и ребенок одного из космонавтов, стоявшие рядом со мной, беспомощно наблюдали за происходящим, пока шел обратный отсчет. Тишина, в которой огромная волна, самая настоящая волна, неслась по водной глади, заставляя рыб выпрыгивать из воды, пока наконец не достигла берега, а затем врезалась в наши барабанные перепонки, накрыв нас с головой.

И третье, о чем нельзя забывать: это стремление отнюдь не новое, а напротив — давнее, можно даже сказать, древнее. Наблюдать, как эти храбрые первопроходцы в крохотном летательном аппарате бросают вызов земному притяжению, было зрелищем поистине фантастическим — все

равно что видеть, как факты и метафоры, сливаясь воедино, неожиданно оживают. Происходившее, минуя логику, резонировало напрямую с нашим первобытным подсознательным, добиралось до самой сути того, что значит быть человеком, до нашей бесстрашной, ненасытной природы — движимая любопытством, она гонит нас прочь из дома на поиски неизведанного.

...жизнь [художника] не может не быть полна конфликтов, поскольку две силы воюют в нем: с одной стороны, вполне оправданное стремление нормального человека к счастью, удовлетворенности и безопасности, а с другой стороны — неудержимая страсть к творчеству, заходящая так далеко, что она подавляет любое личное побуждение. <...> Личности приходится дорого платить за божий дар творческого горения¹.

Карл Густав Юнг. Психология и литература

Отдел литературы по психологии,
третья полка справа в главной галерее

У любой истории есть начало, ну, или так нам кажется. Начало, середина и конец — эти три составляющие создают ощущение реальности, словно столпы, на которых все держится, которые всегда были и всегда будут. Если бы кому-нибудь пришло в голову нарисовать их на бумаге, он изобразил бы эти монолиты четко очерченными, цельными и независимыми друг от друга.

Однако, если присмотреться, становится видна их эфемерная природа. Некая однозначная точка отсчета, которую мы привыкли принимать за «начало», в действительности напоминает облако, состоящее из бесконечной череды моментов, каждый из которых можно дробить несчетное количество раз. В этой связи напрашивается вопрос: а есть ли вообще отправная точка? Или же каждый из нас благодаря простому факту своего существования преобразует мир вокруг, добавляя в него сюжеты собственной жизни, а любая история берет начало вовсе не вовне, а внутри нас? Всем нам знакомая фраза «давным-давно жили-были», казалось бы знаменующая

¹ Перевод Г. Бутузова и О. Чистякова.

начало повествования на первой странице книги, на самом деле служит лишь отражением того, что истинным источником являешься, и всегда являлся, ты сам.

Гудки автомобилей и тарыхтение выхлопных труб сливались в единое нарастающее крещендо. Я сидела в машине, поджариваясь под палящим голливудским солнцем. В свои 25 я была твердо убеждена: вот так и оборвется моя недолгая жизнь. Меня найдут на водительском сиденье наполовину высунувшейся из открытого окна, застрявшей в пробке на лос-анджелесском шоссе и скончавшейся от перегрева и изнеможения.

Щурясь от яркого света, я напрягала глаза, стараясь разглядеть растянувшуюся впереди вереницу автомобилей. На бульваре Силвер-Лейк обычно не бывало заторов, но сегодня поток встал намертво. Изнывая от жары и нетерпения, я высунулась в окно. Рядом с дорогой раскинулся пересыхающий водоем, который и подарил бульвару такое название. Как и многое другое в Лос-Анджелесе, озеро это было не природным, а искусственным — бетонный резервуар, который практически полностью опустошался и пересыхал летом и снова частично заполнялся водой зимой. Посмотрев на него, я поняла, что хочу пить. Видеть бетон там, где должна быть вода, было все равно что смотреть на ботинки волшебника из Страны Оз, торчащие из-под театрального занавеса, — неприятное напоминание о том, что это мир, где все держится на притворстве, а озер не существует в природе, их можно только наколдовать при помощи денег и силы воображения.

Я любила Лос-Анджелес, хотя и не смогла бы выдать нечто внятное, если бы кому-то вздумалось узнать почему. Бостон выветрился из меня с такой же быстротой, с какой здесь высыхает автозагар. Проведя лишь год в разросшемся лос-анджелесском пригороде, я уже чувствовала себя единым целым с этим местом, этим смогом, солнцем и водой, вернее — отсутствием оной. Я выросла в Новой Англии, и мне всю жизнь

казалось, будто я без конца боролась с какой-то невидимой силой, такой же мощной и неуловимой, как сила тяжести. В Калифорнии я почувствовала, что эта ноша больше меня не тяготит. Здесь не было необходимости с чем-то бороться — если не считать пробок, да и то лучшее, что я могла сделать, — это смириться и поддаться медленному течению автомобильной реки.

Кондиционер моей «тойоты» обдувал салон холодным воздухом, рвущимся сквозь покрытые пылью вентиляционные решетки. Я наклонилась поближе, чувствуя на шее прохладный поцелуй. Опустив голову на руль, я прижала руки к груди, прячась от солнца. Позади был долгий рабочий день, я вымоталась физически и морально, а теперь еще и мои бледные руки грозили обгореть.

Я была начинающим кинорежиссером и жила в квартире-студии среди роскошных, покрытых деревьями холмов, которые окружали водоем Силвер-Лейк, — своеобразный хипстерский рай, притаившийся вдали от океана, в небольшой долине к западу от Западного Голливуда. Это был уютный жилой район, совсем непохожий на стереотипные, увешанные рекламными щитами бульвары, которые первыми приходят на ум при упоминании Лос-Анджелеса. Силвер-Лейк располагался просто идеально: на полпути между Пасадиной, где я работала, и Западным Голливудом — центром местной кинематографической и светской жизни.

Обычно серые тротуары на моей улице, казалось, были усыпаны яркими лепестками. По обе стороны дороги теснились милые бунгало — они отличались формой и размерами, но все без исключения могли похвастаться шикарным видом на заснеженные горные пики и центр Лос-Анджелеса. Наш район располагался достаточно высоко, а значит, можно было дышать свежим воздухом. Временами, когда было особенно много смога, внизу повисало липкое темное облако, накрывавшее город словно поеденное молью покрывало.

Моя студия гнездилась на заднем дворе одного из таких бунгало и представляла собой отдельно стоящий гостевой домик, разделенный на две квартиры-студии, расположенные одна над другой. Я жила на нижнем этаже, в квартирке побольше с личным выходом в сад. Из окна моего обнесенного четырьмя стенами оазиса, если сильно вытянуть шею, можно было разглядеть знаменитый знак на Голливудских холмах.

Я сжала пальцами руль и свернула с основной дороги налево, на пустую тенистую улочку. Списки дел, накорябанные шариковой ручкой на тыльной стороне ладоней, размазались от пота. На работе буду отшучиваться, что это моя собственная версия КПК. Такой вот инженерный юмор.

Основной заработок мне обеспечивала должность писателя-рассказчика и консультанта по связям с общественностью в НАСА — Национальном управлении США по авиации и исследованию космического пространства. Меня приняли туда в качестве специалиста по коммуникации, чтобы я помогала агентству использовать инструменты языка в целях распространения знаний. Что это значит, спросите вы? Меня наняли для того, чтобы повысить эффективность общения между отдельными сотрудниками, командами, отделами и кампусами в составе всей организации. Базировалась я в Лаборатории реактивного движения, где когда-то работали самые выдающиеся умы планеты, где люди претворяли в жизнь мечты, которые они вынашивали с самого детства, — мечты о космонавтах, открытом космосе и ракетах. В кампусе царили энтузиазм и вдохновение. Я ходила по тем же коридорам, что и Карл Саган, Ричард Фейнман и будущие творцы истории.

У меня была идеальная работа, которая предоставляла мне широкие возможности и поддерживала во мне неугасающее стремление ими пользоваться. В университете я изучала сразу две специальности — мифологию и астрономию, при этом во всеуслышание заявляла о своем бескомпромиссном желании стать кинорежиссером. Многие в замешательстве

почесывали затылок, не понимая, как я собираюсь совместить эти разносторонние интересы в своей карьере. Уж чего-чего, а целеустремленности мне было не занимать. К восьми годам, осознав, что мне не удастся стать ни Эрклеом Пуаро, ни Индианой Джонсом, я решила, что следующий пункт в моем списке занятий — профессия кинорежиссера. Соответственно, весь мой жизненный план был ориентирован на реализацию этого замысла. В четвертом классе, пока другие дети в перерывах между занятиями играли на школьном дворе, я заставляла друзей оставаться в классе, и мы репетировали пьесы и разыгрывали сценарии, которые я отыскивала в библиотеке. Когда, уже будучи подростком, я ходила с мамой по магазинам, вместо того чтобы примерять одежду, которую я бы хотела купить, я надевала длинные платья и перед зеркалом в примерочной представляла, как произношу речь на вручении премии «Оскар», пока мама терпеливо ждала снаружи.

Моя целеустремленность выходила за рамки обычных мечтаний. Любую свободную минуту я тратила на достижение цели: в старших классах я отправилась на практику на государственное телевидение, пыталась писать сценарии и снимать фильмы, а окончив университет, несколько лет пахала без выходных и отпусков. Я работала на Бродвее, на различных киноплощадках и на телевидении. Я не знала, что такое жизнь без работы. Когда вышла книга «Дьявол носит Prada», я не могла заставить себя ее прочесть: в ней я видела отнюдь не увлекательный способ отвлечься от повседневных забот, а отражение собственного существования. И вдруг однажды я осознала, что весь этот тяжелый труд дарит мне драгоценный опыт, а вот свободы, которой я так страстно желала, по-прежнему нет. И я решила рискнуть. Я бросила Нью-Йорк, выставив большую часть вещей на улицу и поставив рядом табличку с надписью «Любовь спасет мир», и отправилась в Бостон, планируя основать собственную продюсерскую компанию. Звездным часом для меня стали съемки для The Dresden

Dolls — дуэта, исполняющего музыку в стиле панк-кабаре, во время их гастролей по США.

Звонок из НАСА раздался год спустя. В трубке я услышала голос Бена Эпштейна, который говорил из штаб-квартиры НАСА в Вашингтоне. Он объяснил, что посмотрел мою первую короткометражку и она ему очень понравилась. Один наш общий друг рассказал ему о моем прошлом в области фольклора, мифологии и астрономии, и мы целых двадцать минут болтали о мастерстве рассказчика, о кино и исследованиях космоса. Я так увлеклась разговором, что совсем забыла: это ведь собеседование для приема на работу. Бен рассказал мне, что хочет использовать искусство повествования, чтобы внедрить в НАСА практику обмена знаниями. Он полагал, что у каждого из сотрудников есть множество историй, которыми они могли бы поделиться, но, поскольку в обычной жизни для этого нет повода, их подчас уникальные знания и опыт попросту утрачиваются. Мое сердце забилося от волнения. Я подумала: это именно то, чем я с удовольствием могла бы заниматься. Космология и мифология были моей страстью, сколько я себя помнила, именно из-за них я и решила снимать кино. Я чувствовала, что рождена для той вакансии, которую он описывал.

Мы обменялись еще парой электронных писем, и вот меня пригласили на собеседование в штаб-квартиру НАСА.

Я опустила стекло, сидя в своей маленькой машине, которая, прямо как в сказке «Паровозик, который верил в себя», наконец забралась на вершину холма. В салон ворвался свежий ветерок. Здесь, наверху, в тени цветущих деревьев, было чуть прохладнее. Я почувствовала, что впервые за всю неделю могу расслабиться. Мы трудились над множеством разных проектов, самым крупным из которых была идея нанять моего старого товарища и коллегу Джея О'Каллахана, известного на весь мир рассказчика, чтобы тот придумал историю к пятидесятилетию НАСА. Ничего подобного прежде никто не делал,

а мы рискнули, решив поручить ему эту задачу, и я ощущала на своих плечах груз ответственности как за НАСА, так и за дорогого сердцу друга.

Я в очередной раз принялась нарезать круги по кварталу. На нашей улице было не просто припарковаться: у большинства домов не было подъездной дорожки. Рисуя в своем воображении идеальное голливудское гнездышко, я забыла предусмотреть место для парковки.

Прежде чем переехать в Лос-Анджелес, я ночи напролет грезила о жилище своей мечты. Небольшая студия с отдельным входом и личным садом. По правде говоря, этот образ настолько отчетливо представал моему внутреннему взору, что я легко могла вообразить, как, прислонившись к кухонной раковине, держу в руках чашку с горячим чаем и разглядываю цветущий рай за окном. Я никогда не задавалась вопросом о том, существует ли он, меня интересовало лишь, как его найти, и спустя несколько недель просмотра онлайн-объявлений и после нескольких неудачных попыток мне все же удалось найти идеальное место. Маленькая студия в районе Силвер-Лейк, приютившаяся на склоне зеленого холма, стала для меня первым добрым предзнаменованием после переезда в Калифорнию.

Желающих снять эту квартиру было немало. Вполне приемлемая арендная плата, удачное расположение и полное уединение. Кроме меня было еще несколько напористых претендентов, твердо убежденных в том, что студия должна достаться им. Особых надежд я не питала, однако решила сделать все от меня зависящее. Я предоставила рекомендации, выслала полное резюме и примеры своих проектов. После тщательного собеседования владелец отправил мне сообщение о том, что, по мнению его парня, я обладала «приятной энергетикой», так что квартира досталась мне.

Открыв багажник, я достала оттуда сиротливый коврик для йоги, который в последнее время обделяла вниманием,

и пакет с продуктами. Меня обрадовала мысль о предстоящей прогулке в гору. Я целыми днями по восемь часов сидела за компьютером, уставившись в экран, а когда возвращалась домой, у меня начиналась вторая смена — я занималась собственной продюсерской компанией. От такого объема работы я ходила выжатая как лимон, в каком-то странном, хотя и типичном для современных людей состоянии постоянного изнеможения при одновременной нехватке физической нагрузки. Однако впервые за всю мою сознательную жизнь работа обеспечивала мне финансовую независимость. У меня была машина, квартира, обставленная мебелью из IKEA, а поскольку я вела довольно скромный образ жизни, время от времени я могла баловать себя новой одеждой, обувью и даже развлечениями.

Я оглянулась на свою машину, которая становилась все меньше по мере того, как я поднималась вверх по улице к дому. А я не забыла ее запереть? Черт. Не помню. В последнее время я испытывала такой стресс, что любая информация, попадавшая в мой мозг, стремилась тут же вытеснить любые мелочи, которые все же следовало помнить. Мне казалось, что моя память дала течь, а чей-то действующий на нервы голос, словно звоночек где-то вдалеке, сигнализирует о том, как отчаянно мне необходим отпуск.

Поддавшись лени, я продолжила брести вверх по холму, плюнув на то, закрыта машина или нет. Мой отец-инженер, выпускник Массачусетского технологического института, всегда настаивал на том, чтобы я держалась подальше от любых автомобилей с автоматическими замками и окнами. Его упорство объяснялось просто: он боялся, что, если вдруг я умудрюсь съехать с дороги и упасть в большой водоем (даже когда в озере Силвер-Лейк было относительно много воды, она едва бы достала мне до капота), электронная система даст сбой, а я окажусь запертой внутри автомобиля и утону. К счастью, сегодня этот риск можно было исключить, а вот угнать мою машину могли запросто.

Впереди я увидела девушку, которая жила в студии надомной, — она открывала калитку, собираясь выходить. Я невольно ускорила шаг. Она была высокой блондинкой и работала ассистенткой у какого-то важного кинопродюсера, имя которого она никогда не называла, что наводило на мысль, будто он (или она) был весьма важной персоной. Одной рукой я достала ключи, переложив сумки в другую руку, и, едва переводя дыхание, подошла к калитке — как раз в тот момент, когда моя соседка закрыла ее буквально перед моим носом. Обернувшись, она взмахнула накрашенными ресницами и улыбнулась. Прежде чем мне в голову пришла какая-нибудь добрососедская фраза, она нырнула в машину. Внезапно я почувствовала себя жутко одинокой. Отстраненность жителей Лос-Анджелеса вызывала во мне чувство глубокой досады. У меня были друзья, но они были разбросаны по разным уголкам города, и требовалось минимум полчаса, чтобы приехать к кому-нибудь в гости. И даже тогда нам редко удавалось собраться больше чем по двое или трое. Как же мне не хватало чувства сплоченности! Если не считать съемочной площадки, мне никогда не доводилось проводить время в шумной дружеской компании, и по какой-то причине в 25 лет я вдруг обнаружила, что это для меня важно. Мне не хватало ощущения причастности и общности.

Пока я шагала по деревянному настилу, уставленному цветами и кактусами в горшках, мне в голову вдруг пришла мысль: ведь я даже не знакома с хозяином квартиры, которую снимаю. Он жил по соседству в опрятном, отделанном дорогой белой штукатуркой главном доме, вместе со своим парнем и двумя декоративными собачками, с которыми я вела каждодневную борьбу, пытаясь не пускать их в квартиру. Насколько я могла судить, он производил впечатление приятного и тихого человека. Порой, выходя из калитки, я видела, как он рисует красивые сюрреалистичные пейзажи, сидя у себя в гараже, переделанном под небольшую мастерскую. Если мы

встречались глазами, он улыбался мне и аккуратно прикрывал дверь. Намек был ясен: одним своим взглядом я нарушала его личные границы.

У меня в кармане завибрировал телефон, однако руки, нагруженные продуктами и ковриком для йоги, крепко держали тяжелую ношу. Я прислонилась к двери, пытаюсь нащупать в сумочке ключи, как вдруг она распахнулась сама. Пошатнувшись, я перешагнула через порог и оказалась внутри. Мой перетрудившийся мозг забыл, что входную дверь тоже нужно запирать. Что ж, решено. Мне нужно взять паузу, пока я окончательно не растеряла остатки рассудка вместе со всем своим имуществом.

Если не считать диванной подушки и нескольких бумаг, которые раскидали по полу хозяйские собаки, одержавшие победу в сегодняшней битве и оставившие на полу следы грязных лап, в остальном квартира была в порядке. С наслаждением смакуя мысль о том, что впереди меня ждет целый свободный вечер без забот и хлопот, я положила продукты на кухонную тумбу. Распаковывать было особо нечего: консервированный суп, слегка подтаявшее мороженое и практически полностью расплавившаяся плитка шоколада. Повар из меня был так себе. Честно говоря, я вообще ненавидела готовить, зато имела особый талант находить парней, которым это занятие было по нраву.

Рухнув на диван, я достала телефон. От кого-то пришло сообщение. Наверное, моя подруга Роуз, актриса, предлагает поужинать вместе. Я открыла телефон-раскладушку. Сообщение не от Роуз. С экрана на меня смотрел до ужаса знакомый номер, при виде которого у меня волосы встали дыбом. Я не хотела читать. Почувствовав, как у меня прихватило желудок, я вскочила на ноги в полной уверенности, что меня сейчас стошнит. Я захлопнула мобильный и бросила его на диван. Идея провести вечер в четырех стенах, в полной тишине и одиночестве, вдруг показалась мне очень скверной.

Джош заехал за мной в восемь. Я ждала его, стоя у калитки и наблюдая, как сгущаются сумерки. Теперь, когда послеполуденное солнце скрылось за горизонтом, на улице стало прохладно, и я потирала плечи, обводя взглядом улицу, в ожидании, когда появится автомобиль Джоша. Мы познакомились спустя несколько дней после моего переезда в Лос-Анджелес, когда сидели друг против друга в OM Café — милом местечке, которое я облюбовала в первые дни в незнакомом городе. Беседе завел Джош: спросил что-то о том, откуда я и сколько уже живу в Лос-Анджелесе. Он был привлекательный — высокий, стройный парень с копной темных волос, который вел себя мило и в меру чудаковато. Он работал программистом и разработчиком видеоигр и имел на счету много известных игр. До сих пор о мире компьютерных технологий я знала совсем немного, но достаточно, чтобы он сумел произвести на меня впечатление. Наш непринужденный разговор быстро перерос в обсуждение событий НАСА, мастерства повествования и видеоигр. С Джошем было легко, а когда он мне улыбался, у него на щеках появлялись симпатичные ямочки. В общем, он был совершенно очарователен.

Джош определенно воспринял сегодняшний вечер как миссию по спасению. По тону моего голоса он понял, что я расстроена, и приехал, чтобы умчать меня прочь от забот на день рождения своего друга Тейта — самого знаменитого разработчика видеоигр во всем Лос-Анджелесе. Вечеринка обещала быть в стиле Голливуда — и в стиле Джоша. У него в жизни вечно происходило что-то интересное, и наши приключения никогда не разочаровывали. Будучи трудоголиком до мозга костей, я часто отказывалась от его приглашений, но в этот вечер мне нужно было отвлечься.

Внизу на дороге замаячили фары. Вслед за тихим рокотом двигателя показался спортивный автомобиль Джоша. Проехав по узкой изогнутой улочке, он шустро затормозил около меня, а я помахала рукой в знак приветствия.

Улыбнувшись, я вспомнила, как во время нашей первой встречи Джош спросил, не хочу ли я пойти вместе с ним на маникюр и выпить по «маргарите».

— Я знаю отличное местечко, — сказал он с улыбкой.

Сначала я жутко расстроилась и огорчилась. Так он гей, подумала я, но тут же согласилась составить ему компанию, решив, что, на худой конец, мне удалось завести друга. В тот вечер, когда он появился у моей двери с букетом, я усомнилась в своих предположениях, осознав, что вообще-то он и впрямь пригласил меня на свидание. По всей видимости, мужчины в Лос-Анджелесе любят ухаживать за собой не меньше, чем женщины. Я очутилась в параллельной вселенной — немного пугающей или, по крайней мере, еще не совсем привычной. Мы весело провели время, потом сходили еще на три свидания, но у нас так ничего и не вышло. Я была неготова, в те первые месяцы мое сердце все еще было связано узами прошлого, оставшегося где-то там, в другом месте. Надо отдать ему должное: он быстро все понял и наша дружба продолжала крепнуть. Как-то раз Джош сказал мне, что я могу позвонить ему в любое время дня и ночи и он возьмет трубку. Я часто проверяла это обещание на честность, а он держал слово и всегда был готов прийти мне на помощь.

Джош улыбнулся, опуская стекло.

— Боже, как ты сексуально выглядишь, — сказал он. — За-лезай, пока кто-нибудь еще не попытался тебя увезти.

Я улыбнулась, садясь на низкое, обтянутое черной кожей сиденье рядом с ним. Ему всегда удавалось поднять мне настроение.

— Очень мило, что ты согласился заехать за мной, Джош.

У меня дрогнул голос. Я все еще не была полностью уверена, что сделала правильный выбор, решив сегодня пойти на вечеринку. Но это казалось мне куда более привлекательным занятием, чем остаться дома и грустить весь вечер. Каждый раз, когда я вспоминала про то сообщение, мой желудок снова